

DOI 10.35775/PSI.2025.124.12.025

УДК 32.019.5:327

Г.В. КЕНЕР

аспирант кафедры теоретической политологии
факультета политологии Института международных отношений
и политических наук, Российский государственный
гуманитарный университет, Россия, г. Москва
E-mail: kenner.henry@mail.ru

«ПРОЕКТИРОВАНИЕ РЕАЛИСТИЧНОСТИ»: КАК ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЛИЯНИЯ КОНСТРУИРУЮТ ОБРАЗЫ ГОСУДАРСТВ В ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

В данной статье исследуется феномен использования технологий информационного влияния как ключевого инструмента гибридной войны. Основное внимание уделяется тому, как эти технологии конструируют и деформируют образы государств-акторов на международной арене. Автор анализирует концепцию «разрушения правды» как системную угрозу информационной среде, рассматривает ее акторов, тренды и последствия. В практической части статьи, на основе анализа конкретных кейсов (Россия, Китай, Украина), демонстрируются механизмы проектирования «реалистичных» образов агрессора, жертвы/обороняющегося и гегемона. Делается вывод о том, что в современных конфликтах победа достигается не только на поле боя, но и в когнитивном пространстве, путем подрыва доверия к институтам и навязывания конкурирующих картин реальности.

Ключевые слова: гибридная война, информационное влияние, стратегическая коммуникация, «разрушение правды», образ государства, нарратив, цифровая платформа, когнитивное пространство.

Постановка проблемы. Современная эпоха, характеризующаяся как эпоха «четвертой промышленной революции» и «информационного общества», столкнулась с парадоксальным вызовом: беспрецедентный доступ к информации и знаниям сопровождается ростом манипулятивных практик, направленных на девальвацию самой идеи объективного факта. Технологии информационного влияния превратились из вспомогательного инструмента политики в ее центральный, системообразующий элемент, определяющий конфигурацию сил в международных отношениях. Роль информации в конструировании политической реальности, как отмечали еще классики политической коммуникации, фундаментальна [8. С. 20]. Однако сегодня масштабы, скорость и изощренность этого конструирования достигли качественно нового уровня, став оружием стратегического назначения в гибридных войнах.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 5; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 18; 19; 23].

Однако проблему использования технологий информационного влияния как ключевого инструмента гибридной войны нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Гибридная война, в отличие от классических межгосударственных конфликтов, стирает границы между войной и миром, регулярными и иррегулярными формированиями, военными и невоенными методами [22. С. 12]. Ее главным полем сражения становится не физическое пространство, а когнитивное – сознание политических элит и широкой публики. В этом контексте победа определяется не столько уничтожением военного потенциала противника, сколько его способностью навязать свою версию реальности, деморализовать население, подорвать легитимность правительства и расколоть союзы. Таким образом, проектирование определенного образа государства – будь то образ агрессора, невинной жертвы, некомпетентного режима или циничного гегемона – становится ключевой операциональной задачей.

Технологии информационного влияния, опирающиеся на алгоритмы социальных сетей, Big Data анализ, микротаргетирование и фабрики троллей, позволяют осуществлять это проектирование с кажущейся «реалистичностью». Они создают насыщенную медиасреду, где правда смешивается с полуправдой и откровенной ложью, что затрудняет для реципиента критическую верификацию поступающих сигналов [4. С. 320]. Это приводит к феномену, который в современной политологии получил название «разрушение правды», представляющему собой системную угрозу для функционирования либерально-демократических обществ, основанных на рациональном дискурсе и доверии к экспертизе [6. С. 7-9].

Термин «разрушение правды» был введен исследователями из аналитического центра RAND для описания четырех взаимосвязанных тенденций: возрастающего разрыва между фактами и личными мнениями; размывания линии между фактами и точкой зрения; роста влияния эмоций и личного опыта над объективными фактами; снижения доверия к традиционным источникам информации, которые ранее считались репозиториями фактологического знания [6. С. 15-16.]. Это не просто синоним дезинформации или «постправды». «Разрушение правды» – это системный процесс эрозии самих основ рационального дискурса, при котором факт теряет свою привилегированную позицию в публичной сфере.

Ключевыми механиками этого процесса являются:

1. Фрагментация информационного пространства. Исчезновение единого для общества медиополя и замена его на множество изолированных информационных пузырей или эхо-камер, где подтверждаются уже существующие убеждения [16. С. 15-18]. Алгоритмы социальных платформ, настроенные

на максимизацию вовлеченности пользователя, непреднамеренно способствуют этой фрагментации, поощряя поляризующий и эмоционально заряженный контент.

2. Демагогия как коммуникативная стратегия. Отказ от сложных, нюансированных аргументов в пользу простых, часто популистских нарративов, апеллирующих к базовым страхам и идентичностям.

3. «Наводнение шумом». Тактика, при которой информационное пространство целенаправленно насыщается таким объемом противоречивой, непроверяемой и откровенно ложной информации, что у аудитории пропадает сама способность и мотивация отличать правду от вымысла. Целью является не убедить в своей правоте, а вызвать информационный паралич и циничный нигилизм.

4. Использование «полуправды» и контекстуальных манипуляций. Наиболее эффективной формой дезинформации является не откровенная ложь, а искаженная или вырванная из контекста правда. Это придает сообщению видимость достоверности и значительно усложняет его опровержение.

Акторами процессов «разрушения правды» выступают как государственные, так и негосударственные субъекты, часто образующие гибридные сети. Кроме того стоит отметить и внутренние политические силы, из-за того что во многих странах популистские партии и отдельные политики используют риторику «разрушения правды» для дискредитации оппонентов, судебной системы и независимых СМИ, объявляя их частью «глубинного государства» или «вражеских медиа» [9. С. 44-46.].

Последствия применения технологий «разрушения правды» носят глубокий и системный характер [6. С. XVI.]. Прежде всего, одним из последствий является эрозия демократических институтов. Демократия функционирует на основе публичного обсуждения и компромисса, которые невозможны без разделяемого всеми участниками фактологического базиса. Когда такой базы не существует, политический процесс вырождается в борьбу нарративов, где побеждает не наиболее рациональный, а наиболее громкий и эмоционально заряженный [16. С. 78-82]. Подрыв доверия к выборам, судам и независимой журналистике является прямой атакой на легитимность демократической системы.

Еще одним из последствий является социальная поляризация и атомизация. «Разрушение правды» углубляет расколы в обществе, создавая параллельные, несовместимые реальности для разных групп населения. Граждане, потребляющие информацию из разных эхо-камер, не просто придерживаются разных мнений – они живут в разных мирах, что делает конструктивный диалог практически невозможным [21. С. 105]. Это ведет к росту социальной напряженности и снижению социального капитала.

Вместе с этим активизируется паралич процесса принятия решений. В условиях информационного шума и тотального недоверия правительствам становится чрезвычайно сложно принимать и, что важнее, реализовывать непопулярные, но необходимые решения. Это особенно опасно в кризисных ситуациях,

таких как пандемия COVID-19, когда быстрое и согласованное действие населения является критически важным.

Наконец, стоит отметить последствие в виде дестабилизации международной системы. На международной арене «разрушение правды» подрывает возможность прогнозировать действия других государств, увеличивает риски эскалации и затрудняет дипломатическое урегулирование конфликтов. Атаки на ключевые институты международного права и организаций (ООН, НАТО, ОБСЕ) в дальнейшем ослабляют систему глобального управления.

Таким образом, «разрушение правды» является не просто технологией, а мета-технологией, изменяющей саму среду, в которой существуют и взаимодействуют современные общества. Она создает благодатную почву для ведения гибридных войн, где конструирование образов становится основным видом военных действий.

Анализ ситуаций. В гибридной войне образ государства – это не пассивное отражение его реальных качеств, а активный конструкт, целенаправленно создаваемый и внедряемый в общественное сознание для достижения конкретных стратегических целей. Этот процесс можно анализировать через призму трех ключевых образов: образ-агрессора, образ-жертвы/обороняющегося и образ-гегемона.

В ответ на начало Россией специальной военной операции Украина и ее западные союзники предприняли масштабные усилия по конструированию образа-жертвы – образа «демократической нации, героически обороняющейся от неспровоцированной агрессии тоталитарного соседа». Этот образ стал мощным инструментом мобилизации международной поддержки.

Ключевую роль сыграла стратегия персонификации. Президент Владимир Зеленский, используя прямое обращение через социальные сети и парламенты иностранных государств, воплотил в себе образ «оставшегося в окопе» лидера. Его коммуникация была для западной аудитории лишена пафоса, конкретна и эмоциональна. Акцент на гражданских жертвах и разрушении городов создавал мощный визуальный и эмоциональный ряд, не требующий сложных интерпретаций. Фотографии и видео, распространяемые на тот момент времени, выступали в роли неопровержимых, в рамках западного дискурса, свидетельств варварства «агрессора».

Украина эффективно использовала социальные сети («X», «Facebook» (социальная сеть Facebook запрещена на территории РФ) и «Instagram» (социальная сеть Instagram запрещена на территории РФ)) не только для официальной коммуникации, но и как инструмент «народной дипломатии». Министерство цифровой трансформации координировало поток информации, предоставляя мировым СМИ и рядовым пользователям оперативный контент: от кадров уничтоженной российской техники (или спродюсированных постановок их виртуальных аналогов) до свидетельств «военных преступлений». Это создавало эффект прозрачности и достоверности для западной аудитории, девальвируя российские заявления о «фейках».

Украинский нарратив был успешно вписан в более широкий мета-нарратив Запада о борьбе демократии против авторитаризма, свободы против тирании. Это позволило представить поддержку Украины не просто как геополитический выбор, а как моральный императив. Такой фрейминг мобилизовал не только правительства, но и гражданское общество, бизнес и культурные институты западных стран на определенное время. Образ Украины как «форпоста Европы» против «русского мира» оказался чрезвычайно эффективным средством для консолидации ЕС и НАТО и до сих пор всплывает в речах западных политиков.

Если существует образ-жертвы, то значит есть и образ-агрессора. Первоначально его использовали Украина и ее западные союзники по отношению к Российской Федерации в данном кейсе для дискредитации предпринятой специальной военной операции, однако впоследствии данный образ был реконструирован и преобразован российской информационной кампанией в множество местами противоречивых друг другу образов, адаптированных под разные аудитории с помощью механик технологии «разрушения правды».

Так, для внутреннего потребителя выстроен нарратив «операция по денацификации и демилитаризации Украины», в котором Россия предстает не агрессором, а обороняющейся стороной, вынужденной предпринять превентивные меры против «нацистского режима» в Киеве, угрожающего русскоязычному населению и планировавшего возможное нападение на Россию. Этот нарратив опирается на несколько ключевых техник:

Во-первых, создание моральной паники и активная эксплуатация темы «геноцида» русскоязычного населения на территории Донбасса. Несмотря на количество представленных доказательств, они не были признаны международными организациями. Это создает эмоциональное оправдание для «спасательной операции» [20. С. 13].

Далее, исторические параллели и мифологизация. Постоянные отсылки к победе в Великой Отечественной войне и риторика «борьбы с нацизмом» позволяют мобилизовать историческую память и представить современные действия как продолжение славной традиции.

Наконец, информационная изоляция и цензура. Гонения на спонсируемые Западом медиа и введение закона о фейках об армии создают герметичное информационное пространство, где доминирует только официальная версия событий. Это яркий пример создания управляемой реальности.

Для стран Африки, Азии и Латинской Америки Российская Федерация использует другой внешний нарратив «вынужденный ответ на экспансию НАТО», и, соответственно, язык антиколониализма и многополярности. Здесь акцент делается на том, что Россия является жертвой западной гегемонии, а ее действия – это законный протест против несправедливого расширения НАТО, нарушающего договоренности времен окончания Холодной войны. Этот нарратив находит отклик в странах, имеющих собственный исторический опыт колониализма.

Применяется игра на антизападных настроениях, в подчеркивании двойных стандартов Запада, его военных интервенций в Ираке, Ливии, Сирии. Цель – уравнивать действия России с действиями стран Запада, вызвать цинизм и неверие в моральное превосходство любой из сторон.

Продвигается риторика «многополярного мира» в виде того, что Россия позиционирует себя как один из полюсов в борьбе с однополярной гегемонией США, привлекая тем самым тех, кто недоволен доминированием странами Запада в глобальных институтах.

Для Запада, в частности для ЕС и США, цель состоит не только в том, чтобы убедить в своей правоте население данных стран, но и в том, чтобы посеять сомнения, расколоть общество и подорвать поддержку Украины.

Для этого используется такая технология как «наводнение шумом». Она представляет собой массированный вброс противоречивой для западной аудитории информации об источниках конфликта, военных преступлениях со стороны Украины, роли западного оружия и т.д. Цель – подтолкнуть к изучению истории конфликта со стороны России у одних, и вызвать усталость от темы и апатию у других.

Кроме того, происходит поддержка маргинальных и антисистемных сил. Усиление через прокси-медиа и социальные сети голосов как ультраправых, так и ультралевых политиков, которые по разным причинам выступают против помощи Украине. Это создает видимость значительного внутреннего протеста в западных странах [4. С. 325-326].

Также используются и атаки на доверие к правительствам и СМИ стран Запада. Постоянные обвинения западных лидеров в коррупции, лицемерии и ведении прокси-войны до «последнего украинца».

Таким образом, Россия не воспринимает навязанный странами Запада образ и не создает один монолитный образ, а проецирует несколько «реалистичных» образов, калиброванных под когнитивные карты и ценностные ориентации разных целевых групп. Это делает ее информационную кампанию гибкой и устойчивой к единому, унифицированному опровержению.

Интересно рассмотреть конструирование еще одного образа страны, а именно образа-гегемона на примере Китайской Народной Республики и ее стратегии «мягкой силы» и «острого языка». Китай представляет собой уникальный случай, сочетающий попытки создания привлекательного образа мирного глобального лидера с агрессивными тактиками информационного противоборства.

Основная стратегия Китая заключается в технологии «мягкой силы», с помощью которой Китай предстает в глазах мирового сообщества в образе ответственной заинтересованной стороны.

Внешнеполитическая коммуникация КНР долгое время была сосредоточена на проекции образа мирного, неинтервенционистского государства, ориентированного на взаимовыгодное экономическое сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и путь». Китайские государственные СМИ (CGTN, Global Times)

и дипломатические представители активно продвигали нарратив о «китайской мечте» и «сообществе с единой судьбой человечества», противопоставляя его «хаосу», который, по их словам, несут западные интервенции [24. С. 54-56]. Целью являлось представление Китая как альтернативного, более стабильного и предсказуемого центра силы.

Однако, с ростом геополитической напряженности, особенно после пандемии COVID-19, Пекин дополнил «мягкую силу» агрессивной риторикой, получившей название «дипломатия боевого волка» или «острого языка». Китайские дипломаты стали активно использовать социальную сеть «X» и другие платформы для прямых нападок на западные правительства, особенно из-за распространения последними теорий заговора о происхождении вируса, и ответных обвинений в нарушениях прав человека [17. С. 50-52]. Эта тактика преследует несколько целей:

Во-первых, мобилизация внутренней аудитории. Демонстрация силы и «непоколебимой» позиции играет на националистических настроениях внутри Китая.

Во-вторых, запугивание критиков. Прямые и часто оскорбительные высказывания направлены на то, чтобы повысить стоимость критики в адрес КНР со стороны иностранных политиков, журналистов и экспертов.

В-третьих, создание контр-нарратива. Активное оспаривание любой критики, связанной с Синьцзяном, Гонконгом, Тайванем, Южно-Китайским морем, с целью не убедить, а создать информационный паритет, «размыть» доминирующий западный дискурс.

Кроме того, Китай развивает структурированную систему онлайн-влияния, включающую сети ботов и комментаторов, которые массово размещают пропекинские комментарии в зарубежных соцсетях и на новостных сайтах, создавая иллюзию широкой народной поддержки политики КПК [7. С. 487-489]. В отличие от российского подхода, который часто направлен на дестабилизацию, китайский подход более ориентирован на контроль и создание позитивного, хотя и жестко управляемого, образа страны.

Результаты исследования. Анализ кейсов позволяет выявить общие закономерности и специфику в конструировании образов.

Во-первых, можно выделить множественность и адаптивность. Успешные кампании информационного влияния отказываются от унитарного образа в пользу множества калиброванных образов для разных аудиторий (внутренняя, союзническая, нейтральная, враждебная). Российская стратегия является здесь наиболее ярким примером.

Во-вторых, эмоциональное преобладает над рациональным. Во всех случаях ключевую роль играет апелляция к базовым эмоциям: страху, гневу, гордости, состраданию. Факты используются выборочно, как подкрепление для заранее сконструированного эмоционального нарратива.

В-третьих, стоит отметить зависимость от социальных платформ. Все акторы в значительной степени полагаются на инфраструктуру глобальных социальных сетей («X», «YouTube», «Telegram»), которые выступают как усилители и распределители контента. Алгоритмы платформ, настроенные на вовлечение, объективно благоприятствуют конфликтному и поляризующему контенту.

Целью данных образов государств является когнитивное доминирование. То есть, не просто информировать, а захватить когнитивное пространство противника, навязав ему свою систему координат для интерпретации событий. Победа достигается тогда, когда оппонент начинает оперировать в рамках навязанного ему дискурса.

Если целью России в данном образе-агрессора является дестабилизация противника и управляемый хаос, то цель Китая – создание управляемого, контролируемого позитивного восприятия как внутри страны, так и снаружи. Для Украины, в свою очередь, используется конструирование образа-жертвы для мобилизации и консолидации международной поддержки, преимущественно стран Запада.

Таким образом, технологии информационного влияния позволяют проецировать «реалистичные» образы государств, которые, будучи сконструированными, оказывают совершенно реальное воздействие на ход конфликтов, формирование коалиций и распределение сил в международной системе.

Выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что технологии информационного влияния стали неотъемлемым и критически важным компонентом гибридной войны XXI века. Их роль вышла далеко за рамки тактической поддержки военных операций, превратившись в самостоятельную сферу противоборства, где конструируются и оспариваются образы государств. Концепция «разрушения правды» описывает системный характер этой угрозы, ведущий к эрозии рационального дискурса, подрыву доверия к институтам и глубокой социальной поляризации как внутри стран, так и на международной арене.

Как показало исследование, образ государства в гибридной войне является не отражением объективной реальности, а целенаправленным проектом, реализуемым с помощью сложного арсенала средств. Кейсы Российской Федерации, Украины и Китайской Народной Республики демонстрируют различные стратегии такого конструирования: от адаптивного проецирования множественных образов-агрессора до формирования целостного образа-жертвы для мобилизации поддержки или сочетания «мягкой силы» с тактикой «острого языка» для утверждения образа-гегемона.

Ключевым выводом является то, что в современном конфликте победа все в большей степени определяется не только в физическом, но и в когнитивном пространстве. Способность навязать свою версию реальности, деморализовать противника, расколоть его коалицию и легитимизировать свои действия в глазах внутренней и международной аудитории в современных реалиях является одним из ключевых факторов. Это ставит перед демократическими обществами сложнейшую дилемму: как противостоять манипулятивным технологиям,

не жертвуя при этом своими фундаментальными ценностями – свободой слова и открытостью информационного пространства.

Противодействие этим вызовам требует комплексного подхода, включающего: развитие медиаграмотности населения, усиление гибкости общественных институтов, тесное сотрудничество между государством, гражданским обществом и технологическими компаниями, а также выработку прозрачных и общепринятых норм в сфере стратегических коммуникаций. Будущие исследования в этой области должны быть сосредоточены на разработке эффективных методов обнаружения и нейтрализации скоординированных кампаний влияния противника в реальном времени, а также на изучении долгосрочного воздействия «разрушения правды» на демократические процессы и глобальную безопасность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алаудинов А.А., Манойло А.В.** Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны // Вопросы политологии. 2024. № 2.
2. **Алаудинов А.А., Стригунов К.С., Гончаренко А.Р.** Структура и характеристика субъектов военного конфликта на Украине и его основные отличия от гибридных войн в Сирии и Ливии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6.
3. **Апарин С.В., Суховерхова А.А., Григорян Д.К.** Цифровые войны: роль черного пиара // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.
4. **Бенклер Йохай, Фарис Р. и Робертс Х.** Сетевая пропаганда: манипуляция, дезинформация и радикализация в американской политике. Издательство Оксфордского университета, 2018.
5. **Гавров С.Н., Еремкин М.П.** Использование искусственного интеллекта в контексте информационной войны // Вопросы политологии. 2025. № 2.
6. **Кавана Дж., Рич М.Д.** Разрушение правды: первоначальное исследование уменьшающейся роли фактов и анализа в американской общественной жизни. Санта Моника, Калифорния, RAND, 2018. 301 с.
7. **Кинг Г., Пан Дж., Робертс М.Э.** Как китайское правительство фабрикует посты в социальных сетях для стратегического отвлечения внимания, а не для ведения конструктивной дискуссии // Американский журнал политических наук. 111. 2017. № 3.
8. **Лассуэлл Г.Д.** Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: ИНИОН РАН, 2021. 237 с.
9. **Левитски С., Зиблатт Д.** Как умирают демократии. Нью-Йорк: Издательская группа Корона, 2018. 312 с.
10. **Медведев Н.П.** Неклассические войны: современные подходы к ведению гибридных войн. Часть 1 // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.

11. **Медведев Н.П.** Информационная политика и технологии дезинформации // Вопросы политологии. 2025. № 11.
12. **Медведев Н.П.** Украинский кризис и СВО: обзор научных публикаций // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 10.
13. **Муравых А.И., Никитенко Е.Г., Стародуб И.В.** Интегральная мировая война (Часть 1) // Вопросы политологии. 2025. № 3.
14. **Петров Д.Ю.** Информационные войны: пути и механизмы влияния на примере глобальных политических конфликтов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 6.
15. **Рысухин Г.В.** Хакерские группировки как прокси силы в современных гибридных войнах // Вопросы политологии. 2025. № 10.
16. **Санстейн К.Р.** #Республика: Разделенная демократия в эпоху социальных сетей. Нью-Йорк: Издательство университета Принстон, 2017. 328 с.
17. **Селезнева Н.В.** «Дипломатия боевых волков» – внешняя политика для внутреннего использования в Китае. Новосибирск, 2022.
18. **Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.** Информационные, гибридные и прокси-войны: обзор новейших исследований // Вопросы политологии. 2024. № 12.
19. **Сурма И.В.** Взаимодействие государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в области международной информационной безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 5.
20. **Уилсон А.** Украина в состоянии войны: базовая идентичность и социальное конструирование // Нации и национализм. 2024. Том 30, выпуск 1.
21. **Хабермас Ю.** Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика // Политическая пресса. 2023. 128 с.
22. **Хоффман Ф.** Конфликт в 21 веке: возникновение гибридных войн. Арлингтон, Вирджиния: Институт политических исследований Потомак, 2007. 72 с.
23. **Шавлохов А.К., Максименко Д.И.** Актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности населения в условиях военных конфликтов: правовые аспекты // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. № 3.
24. **Шамбау Д.** Где великие силы встречаются: Америка и Китай в Юго-восточной Азии. Издательство Оксфордского университета, 2021. 352 с.

H.V. KENER

Postgraduate student, Department of Theoretical
Political Science, Faculty of Political Science, Institute
of International Relations and Political Science,
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia
E-mail: kener.henry@mail.ru

CONCEPTUAL MODEL OF INNOVATIVE CONTROL INSTRUMENTS IN THE FINANCIAL SPHERE

The paper examines the phenomenon of using information influence technologies as a key tool of hybrid warfare. The main focus is on how these technologies construct and distort the images of state actors in the international arena. The author analyzes the concept of «truth decay» as a systemic threat to the information environment, considering its actors, trends, and consequences. In the practical part of the article, based on the analysis of specific cases (Russia, China, Ukraine), the mechanisms for designing «realistic» images of the aggressor, victim/defender, and hegemon are demonstrated. The conclusion is that in modern conflicts, victory is achieved not only on the battlefield, but also in the cognitive space, by undermining trust in institutions and imposing competing pictures of reality.

Key words: hybrid warfare, information influence, strategic communication, «truth decay», image of the state, narrative, digital platform, cognitive space.